

К проливу Надежды

Его всегда окружали книги. Те книги, которые составляли суть его интересов, входили в круг повседневных занятий, книги, страницам которых были ведомы прикосновения его тонких, чутких пальцев. Работал он исступленно, до самозабвения. Подчас, забывая, что один, мог вслух выразить свою реакцию на прочитанное, на услышанное, может быть, давным-давно. Реакция могла быть более или менее бурной, в зависимости от того, в какой степени было его согласие или несогласие с высказанным мнением. Реакция выражала самую суть этого никогда не жалевшего себя человека, суть того, что было для него главным. А главным было то, что он, может быть, сам не в полной мере осознавал: ведь всем своим творчеством Виктор Яковлевич Евсеев выражал позиции тех, кто был создателем нетленных ценностей, того, что жило в народе как высокий моральный идеал.

Быстрая, порой даже сбивчивая речь, будто торопился человек сказать больше, чем успел бы в отведенное время. Но регламент в работе, в научном споре устанавливал для себя сам. То, чему он отдал жизнь, меряло свою биографию веками, вечностью. А у него в запасе вечности как раз не было. Он знал это и пото-

му всегда спешил, надрывая свое не знающее покоя сердце. Так негасима, так беспредельна была его любовь к тем, кто с кантеле или без него создавал песенную симфонию жизни под вечным калевальским небом.

...Зашел в редакцию по пути из института. Присел. Тяжело и натужно дыша, заговорил о работе, о том, что не успел доделать, но что считал важным и необходимым сообщить всем. Он смотрел усталыми глазами и все говорил и говорил, поблескивая стеклами очков и не ведая, что от этой минуты отведены ему природой лишь считанные часы. А так ли? Можно ли сказать, что творческий путь этого неугомонного человека ограничивается рамками прожитого? Не вечна ли и его жизнь, как вечны руны и немеркнущая слава рунопевцев?

Больше всех о нем, конечно, знает Полина Яковлевна, жена, самый близкий друг, товарищ и помощник по творческому труду.

«И буду век ему верна...» — эти пушкинские слова имеют для нее особый смысл. Полвека исполнилось бы с того времени, когда она стала женой молодого ученого и педагога Виктора Евсея. Познакомились в пединституте — он читал студентам второго курса, на котором она училась, курс языкознания. Лекции слушала

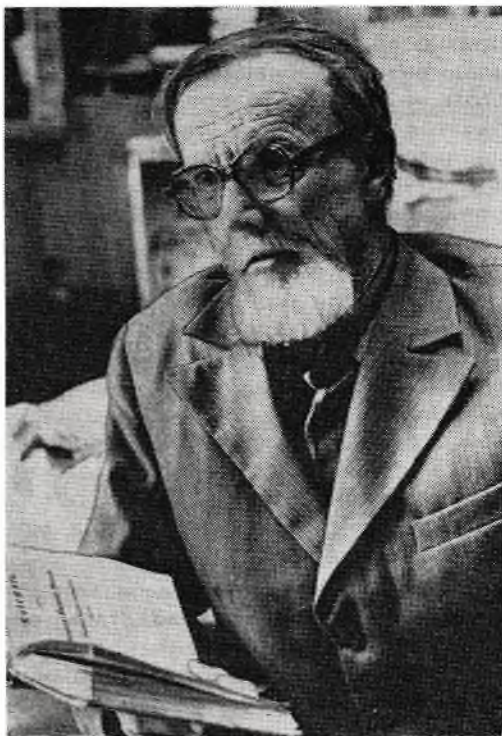
с помощью переводчика. И даже через переводчика сдавала экзамены. А вот с Евсеевым говорила на финском и карельском. Он с ее помощью совершенствовал свое знание финского языка, столь необходимого для уже определившегося к тому времени стремления глубоко познать фольклор.

А в ней жило упорное стремление овладеть русским языком. Преподавательница порекомендовала совершенствоваться, читая пушкинские сказки. Читала, но дело шло медленно. Как-то взялась за «Евгения Онегина». И, не понимая смысла, ощутила ритмическое и эмоциональное величие подлинника. Родилось страстное желание познать смысл великого романа. Со словарем, советуясь со многими, с Виктором Яковлевичем в особенности, читала, читала каждую главу по несколько раз. С той поры в ее жизнь навсегда вошла Татьяна, в которой сочетались лучшие женские качества: искренность, верность, чистота.

Первые годы после окончания института преподавала финский язык в учебных заведениях Петрозаводска, а потом полностью посвятила себя семье, стала соратником в подвижническом труде мужа.

Фольклор для него был густонаселенной страной, и жили в ней — жили вечно — талантливые, страстные люди, с которыми у него в течение десятилетий был общий язык и в прямом, и в переносном смысле этого слова.

Тут иногда каждое слово давало повод для раздумий. Вот хотя бы те же — «залив» (лахти) и «пролив» (салми). Для него вопрос о том, какое из этих слов употреблено в первоисточнике, имел принципиальнейшее значение. В самом деле, залив может быть и обширным и всегда примыкает к берегу, являясь частью какого-либо одного моря. А вот пролив... Отсюда

В. Я. Евсеев

открыты дальние дороги в моря-океаны. Дороги в неизвестное.

— Наше «в некотором царстве, в некотором государстве», принятое у многих других народов, на языке карельских сказителей звучит совсем по-другому, — делился Виктор Яковлевич, морща лоб, и очень и очень спокойно, неторопливо, почти торжественно продолжал: — «За девять морей и полморья десятого». А ну-ка попробуйте пройти девятью морями и полморья десятого проплыть, не проходя многими проливами. А залив, что ж, он — лишь начало пути, залив к родному берегу примыкает.

Был и у Виктора Яковлевича свой залив, свое начало. Родился он в Суоярви. А отец его был из Вохтозера.

Слово «Вохтозеро» Евсеев всегда произносил с особым чувством, вкладывая в интонацию уверенность в том, что о Вохтозере собеседник обязательно знает, не может не знать. Для него в этой деревне были истоки песенной страны, познанию которой, проникновению вглубь которой отдал Евсеев всю свою жизнь.

Как и они, рано познал он все тяготы и радости крестьянского труда, пристально, с интересом приглядываясь к тем, кто работал рядом. Учился, больше сам у себя, чем в аудиториях, изведаль потом твердость солдатской дороги под кирзовыми сапогами, крепко прижимался к родной земле, когда делали заход, чтобы потом сбросить бомбы, натужно дыша моторами, «юнkersы».

От того времени, когда писал курсовую работу под руководством самого Марра, и до того дня, когда сам стал законодателем в этой сложной науке, в литературе и искусстве народном. Евсеев не боялся каменистых троп в науке, не искал легких путей — он шел им навстречу и преодолевал. Евсеев плыл морями и океанами науки сам, и в этом плаванье, думается, нет равных ему, ибо от отца унаследовал он не только знание предмета, но и любовь к нему.

Еще в тридцатые годы познакомилось Виктору Яковлевичу познаться лично и затем часто общаться со многими сказительницами. Южную традицию в Приладожье представляла Екатерина Гаврилова, северную — Анастасия Никифорова. Это она на борту железной баржи, увозящей эвакуированных, в то время как вокруг сыпались бомбы, пела о твердости духа народного, вливая песней своей решимость в дрогнувшие сердца.

Навсегда остался в памяти Евсеева тот солнечный день, когда на площади Ленина, у еще невосстановленного памятника вождю, эта женщина своей

песней о войне и победе пронзила душу каждого из собравшихся здесь людей. Это была даже не песня, а сказ-причитание, но необычность формы усугублялась необычностью обстановки и соответствовала тому, что испытывали присутствовавшие. Ее слушали солдаты и матросы, слушали люди, только что вышедшие из концлагеря, и вставал перед всеми тяжкий путь, исполненный горя, страданий, но увенчавшийся великой и желанной победой. Пусть не знали люди языка, но патетика песни передавалась всем.

Немало часов именно в последние месяцы своей жизни отдал Евсеев подготовке для издания сборника рун, сказок и песен именно этих двух южнокарельских сказительниц — Е. Гавриловой и А. Никифоровой. И не случайно: ведь каждой из них в 1988 году должно исполниться сто лет. Век. И на века сохранять мы будем их творения.

— Обе они иногда были привержены к одной и той же тематике, — рассказывал Виктор Яковлевич, — например, у обеих есть руны о сватовстве кузнеца Ильмойллине, записанные мною в 1930 году. Имеется в виду Илмаринен, имя которого на этот раз приобрело такое написание или, вернее, произношение. Так вот они поразному рассказывали о том же.

В другой небольшой по размеру уникальной руне, тоже записанной мною от А. Никифоровой, говорится, как кузнец Ильмойллине

Шел ковать железо неба,
Шел палить небесный уголь,
Узкую смотреть дорогу,
Мир пошел нести народу.

Согласно сложенной А. Никифоровой руне, вековечный кузнец стал нашим современником и, по наказу Ленина, отправился в Царицын, чтобы доставить хлеб голодающим.

Да, именно Никифорова произносила на площади Ленина сказ о Великой Отечественной войне. Напомню о том, что как ей, так и Е. Гавриловой принадлежат отличающиеся друг от друга руны о видлицком десанте. У Гавриловой сюжет акцентирован на мотиве расстрела белыми ее мужа — красного партизана. В начале этой руны говорится о том, как

В Видлицы враги вступали,
Коммунисты той деревни
Собирались в церкви сельской,
Но белогвардейцев банды
Церковь минами взрывали.
Мучили они партизцев,
Ямы рыть их заставляли.

Конечно, сам перевод рун с карельского на русский язык представляет большие трудности, ибо такие слова, как «мир», «партийцы», находят в подлиннике совершенно своеобразную интерпретацию. Но смысл именно таков.

Говоря о двух сказительницах, Виктор Яковлевич вкладывал в свой рассказ нечто родственное, ибо и впрямь он в родстве с ними, ибо образы, впечатления, ассоциации его собственной юности не отличаются от того, что свойственно этим талантливым женщинам, каждая из которых по-своему и одновременно в одном русле создавали народную поэзию. А это очень радостно — как бы путешествовать к самому руслу этого творчества, убеждаясь всякий раз в том, что все тебе тут знакомо, что все дорого и неповторимо.

Вслушивался Евсеев в причитания, плачи, руны и других сказителей, той же Евдокии Хямяляйнен, или Татьяны Перттунен, или, уже позднее, Марии Ключаревой, и ощущал сочетание поэтической традиции и самой подлинной импровизации, в которой свое, личное, присущее именно этой сказительнице, выражалось и в мане-

ре исполнения, и в образной системе, и в особенностях содержания.

Конечно, особенно интересно было слушать Никифорову. Ведь она родом из того же места, откуда отец, и познала то же ярмо, которое давило на отца. Но шли годы, и все более осознавал, что общение со сказителями давно уже перестало носить для него случайный характер, что каждое новое причитание, каждый плач он слушает не только как человек, подверженный эмоциям, но и как профессионал, вникающий в малейшие особенности содержания, в тонкости исполнения, присущие именно этой сказительнице.

И естественной была тяга сохранить для потомства это богатство содержания, эту радугу красок.

Всегда помнил Евсеев, как встретился с Ключаревой. Появилась она как-то неожиданно и говорит:

— Я из лесу пришла. Сын сказал, что руны надо петь.

И запела. Да так увлеклась, что забыла об окружающих. Прервалась так же неожиданно, как начала петь, и говорит:

— Ну как, устал? Может, погодить...

Была такая сказительница, стотрехлетняя Олимпиева. Физически крепкая, держалась прямо, говорила ясно и обнаруживала удивительную остроту мышления. Как-то пела она ему. Заслушался. Даже глаза прикрыл от удовольствия. А стотрехлетняя исполнительница вдруг прервала пение и говорит:

— Ты отдохни. Небось устал. А я пойду, немного покошу.

С тех пор, как Леннрот записал и у Архиппы Перттунена, и у других талантливых людей то, что позволило ему затем создать бессмертную «Калевалу», ни на день не прерывалось творчество народных писателей, и с их слов было записано немало тако-

го, чем не располагал и не мог располагать Леннрот, ибо родник народного творчества продолжал бить непрестанно.

Вот из этого родника и черпали Виктор Яковлевич и его ученики. Шло глубокое изучение, основанное на сопоставлении открытого ранее с записанным теперь. Делалось это с полным напряжением сил, потому что было очевидно: как происходят изменения в природе, так и творчество народное претерпевает иногда необратимые изменения, и эти изменения особенно отразились на искусстве сказителей. Но как не может померкнуть все поистине великое, так не меркнет искусство сказителей, передавших свои вещи струны тем, кто сегодня стал властителем дум народа.

Виктор Яковлевич Евсеев сполна отдавался делу изучения рунопевческого прошлого. И не случайно специалисты нередко прибегали к его помощи, когда речь шла о толковании народного эпоса.

«В начале 70-х годов,— писал литературовед и поэт О. Мишин в «Ленинской правде»,—я занялся чтением и сравнением «Калевалы» с русскими переводами и с первых же страниц натолкнулся на массу строк, смысл которых был мне неясен. Решил обратиться к доктору филологических наук Виктору Яковлевичу Евсееву. «Что может означать эта строка?»— задавал я вопрос при очередной встрече.

...Одна строка иногда вызывала целую лекцию. Эти «лекции» (а в студенческие годы мне не довелось слушать В. Я. Евсеева) дали мне многое. Умеющему слушать в рассказах Виктора Яковлевича всегда открывается бездна разнообразной информации из истории языковедения, археологии, фольклора».

Эти знания, как уже сказано, пришли не сразу. В них — сплав из полу-

ченного в детстве от отца, от бабушек, знавших великое число сказок, от встреч в годы учебы с Владимиром Маяковским, с Ольгой Берггольц, от общения с Н. Марром, Д. Бубликом и, главное, из вынесенного во встречах с творцами народной литературы, встречах в пору юности, во время студенческих экспедиций и в послевоенные годы, когда он стал серьезным ученым, авторитетом в своей области.

Статья за статьей, за сборником сборник... И вот, как говорится, труд жизни: двухтомное исследование «Исторические основы карело-финского эпоса». Еще второй том не вышел из печати, а автору была присвоена, минуя кандидатскую, ученая степень доктора филологических наук. Предупреждая события, скажем, что впоследствии Виктор Яковлевич стал и профессором, заслуженным деятелем науки Карельской АССР.

Но вернемся к его капитальному труду, где прослеживаются все этапы пути народной песни, ее связь с событиями присущей ей современности. И тут же ясно выражена позиция автора, убедительно доказавшего решающую роль народного начала для «Калевалы» Леннрота.

Тот, кто хоть недолго держал в руках созданный Евсеевым сборник «Карельское народное поэтическое творчество», не сможет не увидеть и масштабы этого творчества, и масштабы труда ученого.

— Это подвижник,— давая оценку всей деятельности Виктора Яковлевича, сказала Мария Николаевна Власова, директор Института языка, литературы и истории, где Евсеев проработал полвека, со дня его основания.—Весь отдавался делу, карельскому и финскому фольклору. Вот вот мы будем отмечать столетие со дня рождения таких замечательных мастеров слова, какими были скази-

тельницы Никифорова и Гаврилова. Сколько сделал для изучения и популяризации их творчества наш Евсеев. «Карельский народный эпос» — фундаментальное издание, которое должно увидеть свет, — это труд его жизни. Но жизнь, увы, коротка. Когда ему говорили: «Вам надо бы полегчить» — он очень сердился и незамедлительно отвечал: «Письменный стол в двух шагах от моей кровати. Для отдыха — самые благоприятные условия».

Вместе с Полиной Яковлевной Евсеевой мы прошли в крохотную комнату Виктора Яковлевича. Здесь оставалось все таким, каким было в тот, последний день его жизни. Возле письменного стола, прямо от книжного стеллажа с возвышающейся вверх пирамидой разных изданий «Калева-

лы», были разложены рукописи, страницы с пометками, записные книжки.

— Вы знаете, он в тот день что-то искал. Сердился и не говорил, что ищет. Я думаю, переводы рун Никифоровой и Гавриловой. Ведь я понимала его без слов — почти полвека вместе прожили, помогала ему как могла. С той же Михеевой знакомила. Я ведь росла тоже в Ухте, по соседству от нее.

Всегда Виктор Яковлевич искал новый пролив. Мечтал он вместе с венгерским ученым Ортотау составить антологию фольклора всех финно-угорских народов. Не успел... Многого не успел сделать из того, к чему стремился, что неустанно и вдохновенно искал, всегда видя где-то впереди пролив Надежды.